

M. WHEELER, *Flames over Persepolis. Turning-point in History*, New York, 1968*

За последние годы резко возросло количество новых археологических, эпиграфических, нумизматических источников по истории эллинистического Востока. Даже краткий перечень их (греческие надписи из Кандагара, раскопки Ай-Ханум, Саксанохура, Пущкаловати, Гекатомпила, греческая манумиссия из Гиркании, серия надписей из Мидии, наконец, сравнительно недавно появившееся полное издание монет, найденных при раскопках в Сузах и т. п.) показывает, что в распоряжение исследователей поступают такие источники, которые заставляют их пересматривать многие устоявшиеся концепции истории эллинистического Востока. В частности, пересмотру явно подлежит тот ныне довольно распространенный взгляд, согласно которому роль греков на Востоке эллинистического мира была весьма незначительной, а их вклад в развитие культуры народов этого региона был исчезающе мал. Точно так же приходится отвергать взгляды (которые до недавнего времени были столь распространены главным образом в английской и американской историографии) о важнейшей роли восточноримского искусства в процессе формирования искусства Гандхары. Примеры нетрудно было бы умножить. Итак, новые факты требуют нового подхода к важнейшим проблемам истории и культуры народов эллинистического Востока.

Такой попыткой ответа на вопросы, поднятые новыми открытиями, и явилась книга известного английского археолога М. Уилера «Пламя над Персеполем». Однако с сожалением приходится отметить, что автором использованы не все те материалы, на которые мы указали выше. Правда, часть их стала известна позднее выхода книги в свет, но отсутствие в книге некоторых других кажется необъяснимым. В первую очередь это касается работы Ж. Ле Риде, опубликовавшего монетные находки Суз и давшего на основании обработанного им нумизматического и уже известного ранее эпиграфического материала сколько возможно подробный (на современном уровне изученности) очерк истории греческого полиса Суз (Селевкии на Эллае) в селевкидское и парфянское время¹.

Выборочный подход к материалу, безусловно, снижает убедительность некоторых выводов М. Уилера.

«Пламя над Персеполем» по своему характеру больше всего приближается к тому, что у нас обычно называется научно-популярной книгой. Написана она очень ярко и живо, вместо долгих описаний автор предпочитает лаконичные образные зарисовки. Вместе с тем это не означает легковесности выводов, отсутствия тщательности в исследовании, — словом, это научно-популярная книга в лучшем, подлинном значении этого слова: книга написанная крупным ученым, рассказывающая о современном состоянии одной из научных проблем, намечающая пути дальнейшего ее исследования, но в то же время интересная не только узкому кругу специалистов, но и всякому интересующемуся историей и искусством читателю.

Книге предпослано авторское предисловие, в котором М. Уилер дает сжатое изложение своих основных идей, развитие и обоснование которых мы находим в основной части книги. В первой главе («Пожар») М. Уилер рассматривает вопросы, связанные с захватом Персепополя Александром Македонским. Основное внимание его привлекает известный эпизод сожжения дворца в Персеполе. Эта глава важна для автора только как красочная иллюстрация поворотного пункта в истории Востока («событие, озаряющее как дымный факел мглу веков азиатской истории»). Сожжение дворца (в соответствии с данными Арриана) М. Уилер считает обдуманным актом мести за те разрушения, которым подверглась Греция в период греко-персидских войн. Но в то же время он считает полностью достоверными и те красочные подробности, которые сообщают Диодор, Плутарх, Курций Руф. Любопытна в связи с этим полемика М. Уилера с В. Тарном, которую он ведет (если так можно сказать) во имя исторического реализма, доказывая, что в сообщениях указанных историков содержится описание подлинных событий со всеми их неприглядными подробностями. Ядовито высмеивая В. Тарна, старательно идеализирующего даже в мелочах образ Александра Македонского, М. Уилер подводит своеобразный итог этой дискуссии следующими словами: «Если есть что-нибудь определенное, так это то, что по крайней мере в конце своей карьеры Александр, увы, пьянствовал с кем попадал»².

* Когда настоящая рецензия была уже подготовлена к печати, в издательстве «Наука» вышел в свет русский перевод рецензируемой книги: М. У и л е р, Пламя над Персеполем. Поворотный пункт истории, М., 1972.

¹ G. Le Rider, *Suse sous Séleucides et les Parthes*, P., 1965.

² Очень любопытна в этой связи характеристика, какую дает В. Тарну Уилер: «Позволю себе высказать опа-

Не будем вмешиваться в этот в некоторых отношениях весьма показательный спор. В данной главе книги для нас представляется более важной одна вскользь брошенная М. Уилером мысль — о «пропагандистском» значении сожжения персепольского дворца. Нам кажется, что для такой оценки этого события есть немало оснований. Этот факт хорошо увязывается и с последующим развитием событий — роспуском греческих союзных отрядов вскоре после смерти Дария и изменением отношения к персам. В таком историческом контексте сожжение персепольского дворца выглядит как преднамеренный жест, долженствовавший показать миру, что достигнута та цель, ради которой велась совместно война коринфской лиги и царя македонян. Персия сокрушена, и дальнейшие завоевания — это уже предприятие не совместное, а единоличное предприятие Александра, выступающего отныне как македонский царь и царь Азии, а не как македонский царь и гегемон коринфской лиги. Подобное разъяснение, с нашей точки зрения, было бы необходимо, чтобы слова о «пропаганде» не остались для читателя пустым звуком, лишенным реального содержания.

Следующая глава — «Дворец» — посвящена характеристике (правда, весьма, суммарной, но четкой и очень образной) искусства и архитектуры Ахеменидского Ирана на примере памятников Пасаргад и Персеполя. Пасаргадам уделено очень немного места, но М. Уилер особо подчеркивает одно обстоятельство: Пасаргады и с точки зрения архитектурного решения, и в некоторых других отношениях могут считаться прямым предшественником Персеполя. В этой связи сделаем единственное замечание: если автор полагает, что Пасаргады — это прямой предшественник Персеполя, то непонятным выглядит его удивление по поводу отсутствия поселения вокруг пасаргадского дворцового комплекса и выводимое из этого заключение о том, что местное население (недалеко ушедшее от своих предков-кочевников) жило в шатрах. Ведь и Персеполь, и соответственно Пасаргады были не просто царской резиденцией, но и ри-

туальным центром³. Представление о сакральном обосновании царской власти заставляло рассматривать царскую резиденцию не только как собственно жилище, но и как здание религиозного характера, близкое храму и отгороженное в силу этого от мира. Поэтому нет необходимости искать объяснение отсутствию рядовых жилищ вокруг Пасаргад в том, что персы жили в шатрах.

М. Уилер не дает описание дворца в Персеполе. На примере этого памятника он рисует несколькими яркими мазками основные, наиболее характерные черты ахеменидской архитектуры, особо подчеркивая (что нам кажется вполне справедливым) ее зависимость от «имперской» идеологии, господствовавшей в Ахеменидском государстве.

Затем — в главе «Вокруг пожара» — М. Уилер переходит к рассмотрению ахеменидской скульптуры, характернейшие особенности которой вырисовываются очень ярко благодаря постоянно проводимому сопоставлению с искусством Греции классической эпохи, в первую очередь со скульптурой Парфенона. Вполне верным кажется положение (впрочем, не новое) о том, что, как подчеркивает М. Уилер, определяющим в процессе создания искусства Ахеменидов было творческое освоение художественного наследия ассирийской державы.

В связи с этим вопросом автор разбирает давно уже дебатировавшийся вопрос о роли скульпторов-греков в создании персепольских рельефов. Подход М. Уилера к этой проблеме представляется нам удачным: он признает зависимость от греков в ряде технических вопросов (например, большее по сравнению с ассирийскими рельефами тяготение к трехмерности, объемности), но в то же время подчеркивает, что все это не более чем нюансы, не определяющие общего характера искусства; подчеркивает зависимость искусства Ахеменидского Ирана от совершенно иных идей, нежели те, которые определили основные линии развития искусства греческого.

Эта глава наиболее характерна для стиля М. Уилера: очень немногими словами, ярко и сильно он характеризует два почти одновременно возникших художественных явления — фриз Парфенона и рельефы Персеполя, в которых нашли свое наивысшее выражение два искусства, объясняя принципиальные различия между ними глубокими отличиями в характере общественной мысли.

Однако орошенное далее замечание: «Греки — прежде всего европейцы, персы — азиаты» — приходится считать лишь данью предубеждению, нагляднее всего выразившемуся в словах Киплинга о Западе и Востоке. Как-то даже неловко

сение, что сэр Вильям Тарн, удивившись в Шотландии XX века, не имел случая приобрести достаточный опыт военных экспедиций, совершаемых в возрасте 26 лет вдаль от дома в пространствах чужого материка в IV столетии до н. э. Все его глубокое исследование эллинистического периода имело один недостаток, который правильно отметил проникательный Ростовцев, — в нем доминировали инстинкты английского джентльмена».

³ А. У. Роуе, *Persian Architecture*, L., 1965.

во второй половине XX в. писать о том, что искусство Греции классической эпохи объясняется не имманентно присущими европейцам чертами, а иными — социально-экономическими, общественными, конкретным ходом исторического процесса, породившим греческий полис с его общественным строем, его идеологией и искусством.

Ядром следующей главы — «После пожара. I. Новые открытия в Бактрии и ее окрестностях» — служит рассказ об археологических раскопках, проводимых Французской археологической миссией в Афганистане (в настоящее время под руководством П. Бернара) на греко-бактрийском городище Ай-Ханум, и о двух чрезвычайно интересных эдиктах Ашоки из Кандагара (один — греко-арамейский, второй — греческий). Справедливыми представляются выводы М. Уилера относительно глубины и интенсивности эллинского влияния на эти бывшие окраины Ахеменидского государства. Точно так же верным представляется и его вывод о характере греческой колонизации этого района, о том, что в процессе создания новых городов активное участие принимала оседавшая здесь греческая «интеллигенция» и что вновь основанные города поддерживали очень тесные связи с Элладой. Ранее для подобного вывода в отношении районов восточнее р. Тигр (помимо весьма скудных данных письменной традиции) было только одно бесспорное документальное обоснование — известная надпись из Маггесии на Меандре о посылке делегации в греческие города побережья Персидского залива. Теперь же новые материалы из таких отдаленных районов, как Кандагар и Ай-Ханум, позволяют распространить этот вывод на весь эллинистический Восток.

Однако и по этой главе могут быть сделаны некоторые замечания. Прежде всего, не соответствует действительности утверждение М. Уилера о том, что после Персеполя войска Александра вступили в пустынные и дикие районы, населенные в основном кочевниками, где практически лишь с приходом Александра начался процесс урбанизации. Мы не будем здесь говорить о результатах работ советских археологов, на огромном материале доказавших, что по крайней мере со второй четверти I тыс. до н. э. на обширных территориях всего Юга Средней Азии происходит бурный процесс классового образования, формирования государственности и соответственно возникают и развиваются местные городские центры. Достаточно с вниманием прочитать те места из античных авторов, где описывается завоевание Бактрии и Согдианы Александром, чтобы понять, что им захватывались богатые густонаселенные районы с высоким уровнем, со своей местной урбанистической традицией. И в силу этого процесс взаимодей-

ствия эллинской и местной культур был в значительной степени иным, чем это выглядит по М. Уилеру. Процесс этот был гораздо более сложен: во взаимодействие вступали не только греческий город и местная деревня, но и третий мощный компонент, — местный город⁴.

Трудно также согласиться с утверждением М. Уилера, что в государстве Ашоки греки сохранили свой общественный строй, т. е. что в государстве Ашоки сохранялись греческие полисы. Во-первых, на основании упомянутых двух кандагарских надписей можно говорить только о наличии греческого населения, но отнюдь не полисов. Во-вторых, как мы старались показать в одной из предыдущих работ⁵, в основе градоосновательской деятельности Александра лежали иные принципы и полисы им не основывались, но крайней мере в восточной части его государства. Основание полисов было характерной чертой градоосновательской деятельности Селевкидов. Но поскольку ясно, что под властью Селевкидов район Кандагара не находился, ибо уже Селевк I уступил его Чандрагупте, нет оснований говорить о полисах в этой области в III в. до н. э. Наконец, нельзя не отметить идеализацию городского строя греков автором (хотя эта мысль в книге брошена мимоходом). Разумеется, полис как форма социальной организации античного общества — явление историческое, порожденное конкретными условиями.

Нужно также сказать несколько слов о результатах последующих раскопок на городище Ай-Ханум. В целом они подтвердили взгляд М. Уилера о явном преобладании греческих черт в культуре города. Но вместе с тем некоторые открытия были очень неожиданными, ломающими обычные представления. Так, в частности, был открыт храм, построенный в соответствии не с греческими и не с местными (бактрийскими) принципами, а согласно вавилонским обычаям⁶. Все это заставляет думать, что процесс синкретизации культур на эллинистическом Востоке был более сложен, чем можно было предполагать раньше.

⁴ Нам представляется, что в значительной мере основой этой ошибки М. Уилера помимо старых предубеждений, столь характерных для многих западных авторов, является и практически полное незнание им советской исторической и археологической литературы.

⁵ Г. А. Кошелевко, Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н. э. и некоторые вопросы общественно-политической мысли в Греции IV в. до н. э., ВДИ, 1972, № 1, стр. 59 слл.

⁶ P. Bernard, Campagne de fouilles 1969 à Ai-Khanum en Afghanistan, CRAI, 1970, стр. 301 сл.

Не менее интересна глава «После пожара. II. Индо-греческие города». В ней рассказывается о результатах раскопок в Беграме, Таксиле, Пушкалавати. Особенно ценен, на наш взгляд, вывод, что все эти города были перестроены согласно греческим принципам и получили греческое население не при Александре Македонском, а примерно полутора столетиями позднее — в период завоевания этого района греко-бактрийскими царями. Отметим, что этот вывод, очень основательно доказываемый М. Уилером, находится в противоречии с одним из основных положений его концепции — о роли Александра Македонского в эллинизации и урбанизации Востока эллинистического мира. Для этой области ясно, что главную роль в процессе эллинизации сыграли греко-бактрийские цари, а не Александр. Для более западных районов то же можно сказать о роли Селевкидов. Не зря в античной традиции Селевку I (как и Александру) приписывается строительство 70 городов. Процесс эллинизации (т. е. процесс создания греческих городов на Востоке) был длительным и сложным, продолжавшимся примерно до 60-х годов II в. до н. э., а устойчивость греческого влияния, греческой культурной традиции могла быть обеспечена только наличием функционирующих полисов (которые создавали Селевкиды, но не Александр).

Необходимо, наконец, остановиться еще на одной проблеме. Во всех этих трех городах ранние слои — слои времени основания (или перестройки) городов греками — исследованы еще недостаточно. Вывод о значительности греческого элемента в формировании их культуры делается в основном на базе материалов, полученных из более верхних слоев, принадлежащих тому времени, когда эти города были завоеваны среднеазиатскими кочевниками или парфянами. В связи с этим неизбежно ставится вопрос о роли, например, парфян в процессе сложения и развития культуры этих городов. М. Уилер парфянам отводит роль только воспринимающей стороны, на которую распространялось благотворное влияние эллинской цивилизации и «александровского гуманизма». Подобное представление о культуре парфян как подражательной, а о самих парфянах как народе, не способном к самостоятельному художественному творчеству, выдвинутое еще в прошлом веке М. Дьялафа и затем активно поддерживавшееся Э. Герцифелем, отброшено и в западной науке со времени раскопок в Дуре-Европос и обобщивших их работы М. Ростовцева⁷.

Основной темой главы «Безработные мастера» является исследование процесса влияния искусства Ахеменидского Ирана на искусство Северо-Западной Индии. Суть концепции М. Уилера в том, что после падения Ахеменидского государства значительные массы архитекторов, скульпторов, вообще ремесленников, обслуживающих царский двор, создававших официальное искусство Ахеменидского государства, оказались не у дел. Для новых городов, активно создававшихся греками и македонянами на Востоке, они были не нужны, ибо там требовались мастера-греки. В этих условиях началось широкое переселение местных мастеров далее на Восток, в возникающую державу Маурьев, которой требовалось создать свое официальное искусство. Именно здесь они пришли к «ко двору», и потому столь глубоким и многообразным было влияние искусства Ирана на последующие судьбы искусства Индии. В связи с этой проблемой М. Уилер разбирает материалы из раскопок Паталипутры, исследует скальную храмовую архитектуру, особое внимание им уделяется капителям колонн «персепольского типа».

В следующей главе — «Гандхара» — автор на основе новых материалов ставит вопрос о происхождении искусства Гандхары. Эта проблема уже несколько десятилетий вызывает самые ожесточенные дискуссии. М. Уилер справедливо подчеркивает очень сложный генезис искусства Гандхары, выделяя в нем три основных компонента: индийский (как субстрат), иранский и греко-римский. Его характеристика индийского субстрата вряд ли может вызвать какие-либо возражения: «Если бы совлесть с гандхарского искусства чужеземные вандализации, оно все равно могло бы существовать как ветвь искусства Индии».

По-иному обстоит дело с характеристикой иранского вклада в формирование гандхарского искусства. Этот вопрос более сложен, чем представляется М. Уилеру. Новые открытия в Бактрии (в частности, в Халчае)⁸, кажется, заставляют думать в первую очередь о Бактрии времени после падения греческой власти как об источнике той струи в общем потоке искусства Гандхары, которую М. Уилер называет иранской. Кроме того, нам кажется, что несколько по-иному следует трактовать и сам процесс слияния упомянутых трех компонентов в единое искусство. Согласно М. Уилеру, искусство Гандхары возникает в эпоху Кушан, когда новой могущественной державе, созданной энергичными пришельцами-кочевниками, понадобилось вновь имперское искусство. Нам представляет-

⁷ M. Rostovtzeff, *Dura-Europos and Its Art*, Oxf., 1938.

⁸ Г. А. Пугаченкова, *Скульптура Халчаяна*, М., 1971.

ся, что картина была сложнее: период после падения Греко-Бактрии и до возникновения кушанского государства не был бесплодным. На примере Северной Бактрии мы видим, как в это время синтезируются местное и греческое искусство, что на почве Бактрии рождается типологически близкое гандхарскому искусству, которое, видимо, в этом уже синкретизированном виде явилось одним из компонентов в сложении искусства Гандхары.

Наконец, в конце нашего разбора работы М. Уилера остановимся еще на одной идее автора, которая в том или ином виде представлена почти в каждой главе. М. Уилер постоянно стремится изобразить Александра Македонского в виде своеобразного провозвестника идеи всеобщего человеческого равенства и братства. Это один из мифов, распространенных в западной историографии, не имеющих ничего общего с исторической реальностью. Политику Александра по отношению к покоренным народам Востока (несмотря на чрезвычайную сложность этого вопроса), видимо, можно интерпретировать как стремление создать «народ господ», в котором бы слились новые и старые господа Азии — маке-

доняне и персы. Взгляды В. Тарна⁹, которым, к сожалению, в этом вопросе следует М. Уилер (столь отчетливо показавший несостоятельность многих других его воззрений), подвергались самой резкой критике не только советских, но и ряда западных историков¹⁰.

Подведем некоторые итоги. Перед нами яркое, написанное очень образным языком произведение, в котором обобщен большой материал по истории и истории культуры эллинистического Востока. Но это первая попытка такого синтеза в тех новых условиях, когда вдруг в течение нескольких лет объем материала резко возрос.

Новые источники поднимают изучение эллинистического Востока на качественно новую ступень, и книга М. Уилера — первая попытка подняться на нее. Попытка не во всех отношениях удачная, ибо груз старых предрассудков тянет автора назад, но в целом очень яркая и талантливая.

⁹ W. Tarn, *Alexander the Great*, II, Cambr., 1948.

¹⁰ P. Merlan, *Alexander the Great or Antiphon the Sophist*, *Classical Philology*, 45 (1950), № 3.

Г. А. Кошеленко

ИЗ НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ДРЕВНЕЙШЕГО РИМА

Вопрос о достоверности источников — отправной пункт всякого исторического исследования. Для историка древнейшего Рима — это вопрос о римской, прежде всего о ливийской традиции. Критика традиции, начатая Дж. Вико и развитая Г. Б. Нибуром, сделала историю древнего Рима наукой. Однако, как известно, плодотворный критический метод в конце XIX — начале XX в. был доведен (особенно в трудах Э. Пайса) до предела, который обратил его в свою противоположность: гиперкритика сыграла роль известного тормоза в науке о римской древности. Утверждение гиперкритических воззрений не было случайностью: объявляя римскую историю до III в. до н. э. вещью непознаваемой, оно явилось, по нашему мнению, отражением неокантианства в историографии. Хотя отход от гиперкритицизма начался уже в 20-е — 30-е годы и — в связи с накоплением новых материалов — «умеренная критика»¹ стала преобладающим

направлением в европейской науке, тем не менее работ по истории царского периода эта тенденция практически не коснулась.

После второй мировой войны наступила эпоха бурной деятельности археологов. Стали появляться работы, содержащие обзоры памятников материальной культуры Рима, его топографии и т. п. Наплыв археологического материала сначала оттеснил на задний план интерес историков к источниковедческим проблемам, но уже в 50-е годы позволил использовать новые данные археологии для проверки сведений, сообщаемых античными авторами.

В последние два десятилетия база источников по истории древнейшего Рима еще более расширилась. Успехи не только археологической, но и лингвистической науки, накопление эпиграфического материала, достижения этрускологии позволили по-новому взглянуть на историю царского периода и начала Республики, вывести ее в той или иной степени из области легенд и вымыслов. Естественным следствием этого явилось оживление источниковедческих интересов. Широкая панорама этрусской цивилизации,

¹ Н. А. М а ш к и н, *История древнего Рима*, М., 1950, стр. 64; А. И. Н е м и р о в с к и й, *История раннего Рима и Италии*, Воронеж, 1962, стр. 16—17.